

Александр ГАБРИЭЛЬ

ДАЛЬНЯЯ СТАНЦИЯ

Спокойно, парень. Выдох: «Омम्म» — полезен загнанным нейронам.
Вагончик тронулся (умом). По сути, заодно с перроном.
Делю с попутчиком еду: два помидора, хлеб и сало.
На дальней станции сойду, где ни названья, ни вокзала.

Умчится прочь локомотив. А я останусь в брызгах света,
с советской песней совместив хайнлайновские двери в лето;
найду ответ у сонных трав, о чем мне карма умолчала,
себе с три короба наврав, что можно жизнь начать сначала.

Такой покой, такой уют воспел бы Пушкин и Овидий.
Здесь птицы песенки поют, каких никто не евривидел,
здесь я однажды все пойму под ветерка неспешный шорох,
здесь я не должен никому и сам не числюсь в кредиторах.

Какое счастье, господа, — брести от дактиля до ямба
и не совать свой нос туда, где вновь коррида да карамба,
где давит ночь тугим плечом, где каждый встречный смотрит косо
и где дамокловым мечом висит над жизнью знак вопроса!

Увы, пора открыть глаза. Мечтанья свойственны Сизифам.
Нет в рукаве моем туза. Покуда миф остался мифом.
Но все ж в неведомом году я, опыт накопив бесценный,
на дальней станции сойду. Достоин. Как артист со сцены.

ПАРАДИЗО

Над прошлым — бурный рост бурьяна;
и да, прекрасная маркиза,
все хорошо. Зубовный скрежет —
союзник горя от ума.
Но еженощно, постоянно
в кинотеатре «Парадизо»
зачем-то кто-то ленту режет
с моим житейским синема.

Александр Михайлович Габриэль — трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор пяти книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

Бандиты, демоны, проныры —
ночная гнусная продленка...
На кой им эти киноленты?
Кто заплатил им медный грош?!
Но остаются дыры, дыры,
и грязь, и порванная пленка,
разъединенные фрагменты...
Причин и следствий — не сведешь.

Несутся по одноклейке
воспоминания-салазки.
Смешались радости и горе
в бессмысленную кутерьму...
И я, кряхтя, берусь за клейки;
дымясь, придумываю связки.
Кино, хоть я не Торнаторе,
я допишу и досниму.

На факты наползают числа
и с разумом играют в прятки.
И я блуждаю, словно странник,
в туманной горечи стиха,
ища тропинки слов и смыслов
среди их трагической нехватки:
давай, давай, киномеханик,
раздуй, раздуй киномеха.

ПОЭТО-ПЕЙЗАЖ

Замер сказочный лес, прореженный опушками,
над которыми лунная светит медаль.
Спит земля до утра — не разбудишь из пушкина,
и молчит до утра заболоцкая даль.
Ночь на день обменять — не проси, не проси меня,
пусть чернеет загадочно пропасть во ржи...
Спит летучий жуковский на ветви осиновой,
двух крыловых на спинке устало сложив.
Теплый воздух дрожит предрассветною моросью,
серой змейкой застыл обезлюдевший шлях...
Что-то шепчут во сне пастернаковы поросли,
сонмы диких цветаевых дремлют в полях.
Проползает река вдоль пейзажа неброского
и играет огнями — живыми, как речь.
И ее пересечь невозможно без бродского,
всем не знающим бродского — не пересечь.
Все, что мы не допели, чего не догрезили,
тает в сонном, задумчивом беге планет...

Жизнь пройдет и останется фактом поэзии.
Смерти, стало быть, нет.
И беспамятства нет.

ГОРБ

Зимой (хоть это не для всех, а лишь для мыслящих инако)
встает во всей своей красе горб вопросительного знака,
и тень, отброшенная им на замерзающие лужи,
одним велит напиться в дым, другим чего-нибудь похуже.

Мы были зряшно рождены; в подборе целей — оплошали.
А в небе бледный шмат луны — как сыр, обгрызенный мышами.
Банальности взрезают тишь расстрельной россыпью курсива.
«Красиво жить не запретишь». «Быть знаменитым некрасиво».

И хоть ругайся напоказ бессильно и пустоголово
на ускользнувшую от нас мерцающую сущность слова,
мы замерли, как корабли в литографическом овале:
одни лишь гении — смогли, а остальные — спасовали.

И не для нас хмельная высь, где реют божества в хламах.
Ведь можно проще, согласись: ненужный вдох, никчемный выдох.
Тирадой пьяного жлоба, лишенной смысловой нагрузки,
нас ждет стандартная судьба миллионов пишущих по-русски.

Не избежать тоски и драм. Надежда, словно шарик, сдулась.
Вопроса знак являет нам интеллигентскую сутулость.
И, как всегда, декабрь — большой любитель жертвоприношений.
А мы, уставшие душой, легко сгодимся на мишени.

ПОТОМ

Детство. Драка орков у подъезда.
На душе — запутанно и скверно.
Дома — пухлый томик Жюль Верна
и вопросов давящая бездна.
Завуч — в жалком синем дерматине.
Школьный воздух сперт и вечно громок...
Парты — в перочинной паутине
нецензурных злых татуировок.

Юность. Не упомяну, польза, вред ли
в ней — простой, как будни жилконторы...
Словно проскочивший поезд скорый
только на минутку бег замедлил.

Я смотрелся в небо голубое,
видел в нем жар-птиц и алконостов,
но сомнений блеклые обои
клеил на мировоззрения остов.

Молодость. То мели, то протоки;
день — триумф, другой же — на смех курам...
Несся пульс стремительным аллюром
под медоточивый «Modern Talking».
И втекало солнце жаром лета
в сердце, где томительно и странно
проживала дама полусвета,
полуалла или полуанна.

Жил себе и жил, надежды ради,
а в итоге взял себе да вызрел.
Слово «зрелость» — краткое, как выстрел
лопнувших прохладных виноградин.
Слово «зрелость» — гулкое, как осень,
как ее ознобный первый ветер...
А потом... Пускай не будет вовсе
грустного «потом» на белом свете.

ПОБЕДА ГУМАНИЗМА

Свое недокричав и недоколобродив,
в азарте не успев нажать на тормоза,
нестройная толпа голосовавших «против»
разгромлена толпой голосовавших «за».
Победен прессы тон. Гудят вотсаппы, скайпы,
а Номо, как всегда, к собратьям *lupus est*.
Вот доброволец. Он снимает с трупов скальпы
и надевает их на свой тотемный шест.
И наконец покой приходит долгой драме,
достойный золотой рифмованной строки...
Усталое Добро (как надо, с кулаками)
пытается отмыть от крови кулаки.
Вот славный журналист — задорная харизма,
знакомый по ти-ви чарующий оскал...
О, как ты хороша, победа гуманизма
над теми, кто его иначе понимал!
Пойдет отсчет с нуля великим этим годом,
начнется с точки А прекрасный светлый путь...
Как воздух нынче свеж! Он полон кислородом,
поскольку меньше тех, кто б мог его вдохнуть.